

ГЛАВА 1

Любовь к слову

Рассмотрим вначале личность Толкина-писателя по отношению к созданной им мифологической системе с точки зрения его научных изысканий в области языкознания, то есть обратимся к логическому подходу ученого-филолога в освоении мифологии.

Корни мифологии Толкина лежат в том глубоком и искреннем интересе к слову, который проявился у будущего писателя еще в раннем детстве. Его интересовало не только значение слов, но и само их звучание и облик. «Лингвистические структуры всегда действовали на меня как музыка или цвет»². В четырехлетнем возрасте Толкин познакомился с начатками латыни и французского, этим языкам его обучала мать. Она обнаружила, что сын получает удовольствие, слушая слова, читая их и повторяя вслух, почти не обращая внимания на смысл.

В возрасте семи лет Толкин написал свое первое произведение — это была сказка о драконе. Драконы сильно занимали воображение впечатлительного мальчика, прочитавшего однажды в книге сказок историю о Сигурде, убившем змея Фэфнира. Свой ранний опус Толкин (по его собственному признанию) «начисто забыл, кроме одной филологической подробности. Моя мать насчет дракона

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ничего не сказала, но заметила, что нельзя говорить “зеленый большой дракон”, надо говорить “большой зеленый дракон”. Я тогда не понял почему и до сих пор не понимаю. То, что я запомнил именно это, возможно, важно: после этого я в течение многих лет не пытался писать сказок, зато был всецело поглощен языком», сообщает Хамфри Карпентер в биографии писателя.

Поступив в школу короля Эдуарда, юный Толкин получил возможность совершенствовать те знания языков, которыми он уже обладал благодаря урокам матери, и, кроме того, приступить к изучению новых языков, притягательно непонятных до поры до времени. По воспоминаниям самого Толкина, приведенным Х. Карпентером, большую часть времени в школе он тратил на изучение латыни и греческого: «Греческий очаровал меня своей текучестью, подчеркиваемой твердостью и своим внешним блеском. Но немалую часть обаяния составляли его древность и чуждость (для меня). Он не казался родным».

В старших классах Толкин вслед за классическими языками, представленными в школьной программе, начал серьезно изучать то, чего в расписании не было: он стал «докапываться до костей, элементов, общих для всех языков; фактически он начал изучать филологию как таковую, науку о словах», пишет его биограф. В своих изысканиях Толкин познакомился с англосаксонским языком, называемым также древнеанглийским, прочел в оригинале древнеанглийскую поэму «Беовульф» и, испытав настоящий восторг, пришел к выводу, что это одна из удивительнейших поэм всех времен и народов. «Кентерберийские рассказы» Чосера открыли для него среднеанглийский, на котором были написаны восхитившие будущего писателя поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» и «Перл» (аллегорическое произведение об умершей девочке, которое приписывают автору «Сэра Гавейна»). Кроме того, Толкин обнаружил, что среднеанглийский диалект близок к тому, на котором говорили жители Западного Мидленда, предки его матери. Следующим шагом было обращение к древнеисландскому и прочтение — теперь уже в оригинале, строка за строкой, — той самой истории

о Сигурде и драконе Фафнире, которая так завораживала его в детстве. Был еще случайно попавший в руки учебник готского языка, исчезнувшего с лица земли вместе с народом, который на нем говорил, — сохранилось лишь несколько письменных фрагментов; были книги на испанском в доме опекуна молодого Толкина, отца Френсиса Моргана, наполовину испанца; были и немецкие книги по филологии, где обнаруживались ответы хотя бы на некоторые из вопросов, интересовавших начинающего языковеда.

Искренняя любовь к самому виду и звучанию слов (а также, несомненно, ценные знания, полученные из филологических трудов на немецком) подвигла юного Толкина к попытке создать собственный язык. Предполагалось, что это будет реконструкция некоего германского языка, чьих письменных источников якобы не сохранилось. Используя свои к тому времени весьма обширные познания в области лингвистики, Толкин приступил к построению даже не одного, а нескольких вымышленных диалектов, у которых была особая система грамматики и фонологии. Параллельно он работал и над их алфавитами.

К этому времени Толкин окончил школу — пришла пора поступать в колледж. В стенах Эксетер-колледжа в Оксфорде страсть молодого исследователя к языкознанию была подогрета новыми чудесными встречами — встречами с не изученными пока языками. Прежде всего Толкин по-настоящему занялся валлийским, красотой которого был зачарован с детства, хотя впервые познакомился с этим наречием в не особенно романтической обстановке: ребенком он читал названия городков Уэльса на стенках вагонов с углем, стоявших на запасных путях железной дороги, на которую выходили окна дома, где какое-то время жила семья. От валлийского будущий писатель, по собственному признанию, получил «громадное лингвистико-эстетическое удовольствие» — этим воспоминанием он делится в одном из писем к У. Х. Одну. Кроме того, в библиотеке Эксетер-колледжа он однажды нашел грамматику финского языка: «Я ощутил себя человеком, который обнаружил винный погреб, битком набитый бутылками с вином, какое никто и никогда не пробовал.

Я бросил попытки изобрести “новый” германский язык, а мой собственный — точнее, их было несколько — приобрел явное сходство с финским в фонетике»³.

Значение финского для создания собственно мифологии мира Толкина действительно велико: тот самый вымышленный язык, который имел «явное сходство с финским в фонетике», позднее будет фигурировать в произведениях под названием *квэнья*, или «высокое эльфийское наречие». А валлийский, в свою очередь, является образцом для построения фонологии другого эльфийского языка, именуемого *синдарин*.

Переведясь с классического факультета колледжа на факультет английского языка и литературы, Толкин, среди прочих лингвистических изысканий, начал уделять особое внимание среднеанглийскому и англосаксонскому языкам — они были языками предков и представлялись ему наиболее родными и понятными. Среди древнеанглийских текстов, которые Толкин читал во множестве, ему попалось собрание англосаксонских религиозных стихов — это был «Христос» Кюневульфа. И две строки из поэмы запали в душу особенно:

Ēala Ēarendel, engla beorhtast,
ofer middangeard monnum sendeð...

«Привет тебе, Эарендел, светлейший из ангелов, / Над средиземьем людям посланный». В англосаксонском словаре Earendel переводится как «сияющий свет», «луч», но здесь это слово, очевидно, имеет какое-то особое значение. Сам Толкин интерпретировал его как аллюзию на Иоанна Крестителя, но полагал, что первоначально слово «Эарендел» было названием звезды, предвещающей восход солнца, то есть Венеры. Слово это, обнаруженное у Кюневульфа, взволновало его, непонятно почему. «Я ощутил странный трепет, — писал он много лет спустя, — будто что-то шевельнулось во мне, пробуждаясь от сна. За этими словами стояло нечто далекое, удивительное и прекрасное, и нужно

было только уловить это нечто, куда более древнее, чем древние англосаксы»⁴.

Этому «удивительному и прекрасному», пробудившемуся где-то глубоко в душе Толкина под впечатлением от древнеанглийской поэзии, суждено было в дальнейшем проявить себя вовне: развиться, сформироваться, обрести душу и в итоге предстать в виде цикла литературных произведений, на страницах которых отражена летопись целого мира, его мифология и его история. Отправной точкой создания всего корпуса текстов стало стихотворение, появившееся в конце лета 1914 года. На его написание Толкина вдохновила любимая строчка из «Христа» Кюневульфа, где говорилось об Эаренделе; называлось оно «Плавание Эарендела, Вечерней звезды» и начиналось так:

Эарендель восстал над оправой скал,
Где, как в чаше, бурлит Океан.
Сквозь портал Ночной, точно луч огневой,
Он скользнул в сумеречный туман.
И направил свой бриг, как искристый блик,
От тускневшего злата песков
По дороге огня под дыханием Дня
Прочь от Западных берегов*.

В следующих строках описывается путешествие звездного корабля по небесной тверди, продолжающееся до тех пор, пока он не тает в свете восхода.

Образ звезды-морехода, чей корабль возносится на небо, не покидал воображение Толкина, и сюжет стал развиваться в обширное повествование. При этом Толкин воспринимал себя не как сочинителя истории, а как первооткрывателя древней легенды. Он чувствовал, что существует несомненная связь между историей Морехода Эарендела и «личными языками», плодом

* Перевод Светланы Лихачевой. *Здесь и далее прим. авт.*

лингвистических исследований. В конце концов Толкин пришел к выводу («выяснил» — по его собственному выражению), что язык, созданный им под влиянием финского и ставший воплощением его языкового вкуса, — это язык, на котором говорят «фэйри», или «эльфы», которых видел Эарендел во время своего удивительного путешествия. Так в мире Толкина впервые появился Дивный Народ, говорящий на квэнья.

В итоге «Властелин колец» стал своеобразным альманахом лингвистических пристрастий Толкина: *вестрон*, всеобщий язык Средиземья, представлял родной язык писателя, то есть английский (точнее, он был «переведен» на английский); на различных диалектах вестрона говорят люди и хоббиты (язык рохирримов сходен с древнеанглийским, северные хоббитские говоры содержат трансформированные англосаксонские слова и некоторые кельтские элементы); в именах людей и хоббитов присутствуют франкские и готские формы, в именах гномов — древнеисландские; эльфийские языки, как уже упоминалось, в основе своей имеют черты финского (квэнья — «эльфийская латынь», язык Заокраинного Запада) и валлийского (синдарин — «сумеречное наречие», язык эльфов Средиземья).

В этом ряду особняком стоит мордорский язык — Черная Речь, созданная Сауроном и используемая в заклании Кольца Всевластия, а также в некоторых именах и названиях. Попытка исследовать этимологию языка Врага дала любопытный результат: «Обнаружилось не только структурное, но и значительное материальное совпадение хурритского языка (на котором говорили в III–I тыс. до н. э. предки современных армян и курдов, сменивших его на индоевропейские) и Черной Речи»⁵. Довольно неожиданно, если учитывать, что интересы Толкина-филолога лежали в основном в области языков, принадлежащих к германской, кельтской и романской группам индоевропейской семьи (финский язык, принадлежащий финно-угорской семье, — исключение). Однако при этом в указанном исследовании оговаривается, что «хурритский язык активно обсуждался индоевропейцами и востоковедами как

раз в первой половине XX века, причем в тесной связи с расовыми проблемами и происхождением ариев». Велика вероятность того, что эти обсуждения каким-то образом затронули сферу деятельности Толкина как лингвиста, к тому же расовый вопрос весьма актуален для Средиземья (особенно в отношении орков, служащих создателю мордорского языка, — расы отвратительной и во всех смыслах низкой).

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

